

Мать улыбнулась, её голос был мягким и сдержанным:

— Кайфань, мама всегда чувствовала себя виноватой перед тобой...

Они виделись с сыном редко, и даже в такой эмоциональной атмосфере не могли произнести ни одного горячего слова. Даже их близость казалась немного неловкой. Пропущенные годы не могли быть восполнены сегодняшней нежностью. Это было как рана, которая заживала медленно, медленно, пока не превращалась в шрам, который уже не так сильно болел, когда его касаешься.

Кайфань сдержал эмоции, словно немного отпустив их, и сказал лишь:

— Ничего страшного, вперёд ещё много времени.

Чжан Япин поняла, что сердце сына не так легко тронуть. Её голос смягчился:

— Хорошо, передай отцу привет.

Она и Чжун Динхэн были вместе всего десять лет, и с тех пор они не виделись уже более двадцати лет. Ненависть и обида со временем растворились, оставив лишь едва уловимое приветствие.

Закончив разговор, Чжун Кайфань потер уголки глаз и направился в гостиную. Ноутбук всё ещё лежал на обеденном столе. Вскоре снова зазвонил телефон. Это был Сяо Чжэн. После короткого обмена приветствиями он сказал:

— Председатель хочет устроить новогодний ужин, назначил на сегодня вечером в семь.

В конце добавил:

— Дома.

Чжун Кайфань держал мышь, просматривая непрочитанные письма в почте.

— Кто устраивает новогодний ужин в первый день Нового года? Просто прихоть — придумал и сделал.

Сяо Чжэн терпеливо ответил:

— Он обычно занят работой, а теперь, когда наконец-то выдалось свободное время, постарайся понять его.

— Я не осмелюсь вернуться, — мрачно произнёс Чжун Кайфань.

Он до сих пор помнил, как его мачеха Чэнь Ли буквально хотела сдрать с него шкуру. Если подумать, смерть Чжун Цаня сорвала маски со всех. Даже те, кто раньше старался сохранить лицо, больше не старались. Но на самом деле, кто виноват в аварии? Линь Юань? Чжун Кайфань невольно усмехнулся. Чэнь Ли просто не могла найти выход для своих эмоций.

Хотя и он сам был виноват в том, что поссорился с Линь Юанем, и Чжун Цань, пытаясь их помирить и забрав Линь Юаня, попал в аварию. Как сказал А Юань: «Я не убил Божьего человека, но он погиб из-за меня». В этой истории никто не мог остаться полностью невиновным.

— Если она ругается, просто слушай, — вздохнул Сяо Чжэн, словно вспомнив что-то. — Она всё равно ничего не сделает.

Чжун Кайфань усмехнулся без улыбки:

— Верно.

Он чувствовал вину перед Чжун Цанем, но это не имело никакого отношения к его мачехе. Если бы она не вмешалась в брак его родителей, возможно, сегодняшняя ситуация не была бы такой печальной.

— Чжун Цзымин тоже придёт сегодня, Кайфань, — Сяо Чжэн сделал паузу, усилив голос. — Не потерпишь малого — потеряешь большого.

— Я понимаю, — Чжун Кайфань почувствовал, как сердце сжимается от раздражения. Он запомнил каждый их поступок, и когда придёт время расплаты, никто не уйдёт.

— Может, заехать за тобой? — Сяо Чжэн, казалось, немного переживал.

— Да брось, праздник всё-таки, отдыхай дома, — Чжун Кайфань направился в спальню, наугад схватил рубашку и бросил на кровать. — Я сам поеду, всё равно не отвертеться.

— Хорошо, — в голосе Сяо Чжэна слышалась улыбка. Перед тем как повесить трубку, он добавил:

— Если что-то понадобится, звони в любое время.

— Ладно.

Открыв шторы, Чжун Кайфань увидел огромный Пекин прямо перед собой. Он не выходил из дома всю ночь, а снаружи всё было покрыто белым снегом. Город был окутан тишиной и лёгкой дымкой, высокие здания выделялись на фоне белоснежного пейзажа, напоминая детские кубики. Панорамные окна изолировали звуки улицы, и только сгустки фар на дороге мерцали в густом тумане, излучая красные, жёлтые и белые огни.

В этой тишине Кайфань невольно подумал: идёт ли снег у А Юаня?

Кайфань помнил, что А Юань боялся холода, зимой у него всегда были ледяные руки и ноги. Самое обидное было то, что он любил подкрадываться сзади и засовывать свои холодные руки за воротник Кайфаня, заставляя того дрожать.

Но, глядя на чистое и невинное лицо А Юаня, Кайфань сдерживался, ожидая, пока его руки немного согреются, прежде чем убрать их. Когда они оставались наедине, Кайфань прятал руки А Юаня в свои карманы, сцепляя пальцы, словно они были готовы пройти через всё вместе.

На самом деле, когда он учился на медицинском факультете Пекинского университета, никто вокруг не обсуждал его ориентацию. Во-первых, он выглядел серьезным, из хорошей семьи, с безупречной внешностью и поведением. Люди считали, что Кайфань просто не обращает внимания на девушек института. Во-вторых, А Юань был очень послушным, никогда не кичился своим положением. Будь то игра в баскетбол или прогулки по книжным магазинам, он всегда вёл себя прилично.

Позже, когда Кайфань увидел, как А Юань с увлечением читает что-то, намеренно держась на расстоянии одного стеллажа, его сердце сжалось от боли. Он не мог смотреть на А Юаня больше секунды.

Выйдя из книжного магазина, Кайфань был на грани слёз, оставив А Юаня позади.

А Юань бежал за ним:

— Кайфань, что случилось?

На автобусной остановке толпились люди, мужчины и женщины, старики и дети. На холоде от каждого дыхания поднимался белый пар.

Кайфань остановился, глядя на покрасневшие от мороза щёки А Юаня, и сдержал свои эмоции:

— Ничего.

А Юань держал в руках несколько любимых альбомов фотографий, тяжело дыша:

— Кого ты обманываешь?

Они шли по тротуару, и, проходя мимо парка, Кайфань сказал:

— Давай зайдём.

А Юань пожаловался:

— Я чуть не замёрз! — Он действительно не понимал, на что удумал Чжун Кайфань тащить его в этот продуваемый парк зимой.

Несмотря на слова, А Юань всё же последовал за ним. Парк был небольшим, в юго-западном углу росли жёлтые зимние сливы, их ветви дрожали на холодном ветру. Несмотря на мороз, цветы распускались ярко и красиво, их лепестки раскрывались, некоторые ещё были в бутонах, но аромат был лёгким и долгим, словно окутывая зиму.

Дойдя до укрытия от ветра, они оказались в тишине. Старики, которые обычно гуляли здесь, уже ушли на послеобеденный сон. Кайфань стоял в конце аллеи, протянув руки:

— Иди сюда.

А Юань почувствовал, как у него защемило в носу. Оказывается, Кайфань хотел его обнять. Для таких влюблённых, как они, общество было не слишком терпимым, и всё приходилось делать осторожно, чтобы не вызвать пересудов.

Они обнялись, и в укромном месте, защищённом от ветра, им стало тепло. Кайфань спросил тихо:

— А Юань, тебе не обидно быть со мной?

А Юань посмотрел на него, его взгляд был чистым:

— Нисколько, зачем говорить о грустном? — Он отвернулся, словно не желая продолжать эту тему.

На самом деле, вначале это Кайфань ухаживал за А Юанем, поэтому он всегда чувствовал себя виноватым.

Хотя тогда Кайфань очень хотел дать обещание, сказать, что это не шутка, что он действительно влюбился и хочет серьёзных отношений. Но А Юань никогда не спрашивал его о будущем или о его семье.

Кайфань обнял его за шею, его голос дрожал:

— А Юань, ты такой глупый.

— Глупым везёт, хи-хи... — он уткнулся в плечо Кайфаня, довольно улыбаясь.

Время текло медленно и плавно, и теперь, оглядываясь назад, те печали прошлого казались ничем по сравнению с сегодняшними страданиями.

Судьба закладывала одну бомбу за другой, ожидая, когда они разобьются в прах.

Чжун Кайфань вернулся к реальности, пообедал и начал изучать случаи, похожие на болезнь тёти Сун. Сиделка позвонила ему, сказав, что последние пару дней состояние тёти Сун было стабильным. Он немного успокоился и добавил:

— Если что-то случится, сразу звони мне.

К пяти часам вечера стемнело. Чжун Кайфань надел тёмно-серый кашемировый свитер и чёрное пальто средней длины, оставив пуговицы расстегнутыми, чтобы был виден воротник дымчато-голубой рубашки. Взяв ключи от машины и телефон, он вышел из дома.

Хотя он шёл на званый ужин, Чжун Кайфань всё же соблюдал приличия. В багажнике лежал чай Лушань Юньу, который он заранее приобрёл. Упаковка была скромной и строгой, но отец любил этот чай, а обычный сорт ему не нравился, поэтому подарок пришлось как нельзя кстати.

<http://bllate.org/book/16849/1550832>